

ФРАНЧЕСКА СКАНАКАПРА

Парадизо

Перевод с английского

Аллы Ахмеровой

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
С42

PARADISO by FRANCESCA SCANACAPRA

Copyright © 2021 by Francesca Scanacapra

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского Аллы Ахмеровой
Редактор Игорь Алюков

Оформление обложки Елены Сергеевой

Франческа Сканакапра

С42 Парадизо: Роман / Пер. с англ. А. Ахмеровой. — М.: Фантом Пресс, 2025. — 288 с.

Италия, 1940-е. Грациэлле Понти семь лет, она живет в крошечной деревушке на севере Италии. Семья девочки с трудом сводит концы с концами, но они вполне счастливы, и, несмотря на трудности и беды, Габриэлла живет с полным ощущением защищенности. Но война, которая поначалу почти не коснулась сельской Ломбардии, однажды все же врывается в деревню Пьеве-Санта-Клара. С этой минуты прежняя жизнь Грациэллы будет разрушена и начнется новая, полная страха, потерь, надежды и возрождения...

«Парадизо» — первая часть трилогии о Грациэлле и ее доме, старинной ферме «Парадизо», а также об Италии — стране, которая балансирует на краю огромных перемен. Фашистская диктатура; ограничения, которые накладывают на жизнь традиции католической церкви; крестьянская психология — все это вот-вот начнет уходить в прошлое, и Грациэлла станет не только свидетельницей, но и участницей перемен, что стремительно надвигаются на патриархальную Италию.

«Парадизо» вдохновлен реальными историями, которые рассказывала писательнице ее итальянская семья, а действие книги разворачивается в местах, где она провела большую часть своего детства.

Это очень традиционный, даже чуточку старомодный роман о детстве, взрослении, любви, о магии Италии, о том, как одновременно страшен и прекрасен мир, что окружает нас.

ISBN 978-5-86471-998-5

© Алла Ахмерова, перевод, 2025
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2025

ГЛАВА I

Пьеве-Санта-Клара, Ломбардия

23 октября 1944

Тем утром, когда мне предстояло уехать, я проснулась от пронзительной трели велосипедного звонка и шороха гравия во дворе. Я соскочила с кровати, распахнула окно и увидела молодого священника, колотившего в нашу дверь.

— Дорога свободна! — крикнул он. — Будьте на месте сбора через час! — Не дожидаясь ответа, священник перекинул ногу через седло и умчался, полы сутаны развевались у него за спиной.

— Через час?! — воскликнула моя мать. — Скорее, Грациэлла, собирайся!

На меня надели больше вещей, чем, как мне казалось, у меня вообще имелось, и отправили на кухню. Родители уговаривали меня поесть, но я не могла проглотить ни кусочка.

— Малышка, ты скоро вернешься домой, — пообещал отец, пока мама торопливо застегивала мне пальто.

Неожиданно обнимать моего отца нельзя, сначала нужно сказать, что ты собираешься сделать, потому что ему надо принять позу поудобнее, но тем утром я безо всякого предупреждения обхватила его двумя руками и прижалась к нему. Отец поморщился, глухо застонал, а потом долго прижимал меня к себе и целовал в волосы — я даже сосчитать не смогла, сколько раз.

Отец был самым важным человеком в моей жизни. Конечно, я любила мать, очень сильно любила, но отца я любила больше.

— Пожалуйста, Грациэлла, будь умницей! — взмолилась мать, высвобождая меня из отцовских объятий. — Нам пора.

Бледное зимнее солнце уже пробивалось сквозь дымку, когда мы с мамой шагали к деревне. Мама шла так быстро, что мне пришлось перейти на рысь, чтобы не отстать. Даже ноги были в нескольких слоях одежды. Из-за двух пар чулок и носков, надетых поверх, ботинки ужасно жали. Прихрамывая, я торопливо ковыляла за мамой и гадала, что это за ледяное место, куда меня отправляют.

— Мам?

— Что?

— Мне всегда придется надевать чулки и носки?

— Нет, это только в дорогу. Вещи легче нести на себе, чем тащить в сумке.

На окраине деревни мы присоединились к другим матерям с детьми, спешащим к пьядце.казалось, они стекаются со всех сторон, держась за руки, несут наспех собранные узлы с вещами. Не знаю, чего я ждала, но к толпе, окружившей несколько

грузовиков с опущенными бортами, я оказалась не готова.

— Что это за люди? — Я стиснула мамину ладонь.

— Изю всех окрестных деревень, наверное, — ответила она.

До того момента мне в голову не приходило, что детей отправляют не только из нашей Пьеве-Санта-Клара. Я жалась к маме, когда мы встали в беспорядочную очередь. За нами тут же пристроились еще люди, нас всех сбивало в бурлящую кучу-малу из пальто и узлов. Запах сырой шерсти, немытых тел и грязной одежды ударил в нос, крики детей и матерей оглушали. Мне было очень страшно.

— Не отправляй меня! — взмолилась я. — Не хочу уезжать!

Мама наклонилась ко мне, и на какой-то миг мне показалось, что она согласится, но мама лишь покачала головой и сказала:

— Там ты будешь в безопасности, и там нет военных. — И со слабой, неуверенной улыбкой добавила: — И представь, сколько новых подружек у тебя там появится!

— Не нужны мне новые подружки! Я с вами хочу!

Мама опустила на корточки, так что наши лица оказались друг против дружки.

— Это просто предосторожность, Грациэлла.

— Что это такое — предосторожность?

— То, что люди делают, чтобы им ничто не угрожало. — Мамин голос звучал ласково, но очень серьезно.

— А что будет с вами? Вдруг солдаты снова придут или бомба упадет на наш дом? Вдруг вас убьют? — Я задержала дыхание, чтобы не расплакаться.

— Все будет хорошо, милая. Ты же у меня умница, все будет хорошо. — Но уверенности в мамин голосе я не слышала.

— А долго я там буду?

— Не знаю. Пока тут все не успокоится. Никто не знает, сколько еще продлится война, но не навечно же она.

Я опустила голову, меня всю трясло, и в то же время я не могла пошевелиться. Меня сковал ужас от осознания, что я буду с чужими людьми непонятно сколько времени. И хотя я была укутана в сто одежек, холод добрался до самых костей.

Нас со всех сторон толкали, пихали вперед. Многие дети уже сидели в грузовиках. У одних лица были застывшие, бледные, другие, наоборот, покраснелись, заходясь в плаче. А некоторые сидели, с головой закутавшись в одеяла.

Детей встречала усатая синьора. Когда к ней подходила очередная мать с ребенком, она что-то коротко говорила и забирала какие-то бумаги. Усатая синьора требовала прощаться побыстрее, только разве мать быстро оторвешь от ребенка? За последним поцелуем и объятием следовали самый последний поцелуй и объятия.

Чем ближе мы подходили к усатой синьоре, тем крепче мама стискивала мою руку.

— Имя ребенка? — потребовала усатая.

— Грациэлла Понти.

Синьора провела пальцем по списку и кивнула.

— Поедет в монастырь Пресвятой Девы Марии близ Лодано, это в провинции Пистойя. Прошу ее продуктовую карточку.

Мама заколебалась.

— Нельзя ли ей держать карточку при себе?

— Нет. Карточки соберут и вместе с имуществом всех детей передадут сестрам.

Мама нерешительно запротестовала, но усатая синьора была непреклонна. Наверное, этот спор она вела с каждой матерью.

— Мы не сможем взять вашу девочку, если вы не отдадите ее карточку, — объявила она. — И, синьора, нам нужно ехать, пока на дорогах свободно.

Мама неохотно протянула карточку.

— Спасибо, синьора. Пожалуйста, распишитесь здесь.

Мама подчинилась.

— А это далеко? — осмелилась спросить я.

— Достаточно, чтобы ты там была в безопасности, — ответила усатая синьора. — Бери одеяло и ступай к синему грузовику.

Мама сгребла меня в охапку, прижалась лицом к моему лицу.

— Будь умницей, — прошептала она. — Будь умницей, и все будет хорошо.

— Синьора, поторопитесь, — сказал водитель грузовика, морщинистый старик с размокшей самокруткой в зубах.

Он оторвал меня от мамы, подхватил на руки и опустил в кузов. Его грязные заскорузлые руки

держали меня крепко, но бережно и легко, словно я не весила ничего.

— Продвинулся вглубь и сядь, — велел он. — Стоя ехать нельзя.

Грузовик посигналил, вызвав шум и суматоху. Я посмотрела на маму, но тут в кузов подняли еще детей, меня пихнули вперед, и маму заслонили какие-то люди. Мгновение спустя борт подняли и грузовик с грохотом ожил. Я в жизни не видела столько девочек, сколько набилось в кузов. Некоторых я встречала в церкви, но таких было немного. Мы жили на отшибе, в школу я еще не ходила, поэтому из деревенских детей мало кого знала.

Мне было семь. Я не помнила время без войны, но прежде нас она не особо касалась. Моя жизнь ограничивалась безопасным миром нашего дома. И пусть мы были бедные, но жизнь моя протекала спокойно. Но однажды война выплеснулась с полей сражений на улочки нашей деревеньки, и три дня ужаса разрушили мой уютный мир.

В Пьеве-Санта-Кларе моими единственными товарищами по играм были двоюродный брат Эрнесто и подруга Рита Поззетти.

Рита была моей ровесницей. Родились мы с разницей в месяц, как и наши отцы, которые дружили всю жизнь. Семья Риты жила через дорогу от нас. Мы играли вместе при каждом удобном случае, но Рита часто хворала — то бронхит у нее, то кашель, то лихорадка, — а потому гораздо чаще время я проводила с Эрнесто.

Эрнесто, на пять лет старше меня, был сыном моей тетушки, дзии Мины. Дзия Мина была замужем за старшим братом моего отца, но тот умер, когда Эрнесто был совсем маленьким. Мой папа пытался заменить Эрнесто отца, однако Эрнесто не признавал ни правил, ни авторитетов. Папа говорил, что такого мальчишки, как Эрнесто, хватит на десять отцов, но и десяти отцов не хватит для мальчишки вроде Эрнесто.

Я играла в его мальчишеские игры — мы устраивали лагерь в живых изгородях, гонялись за кроликами, выкапывали червей, чтобы приманивать жаб. Эрнесто уверял, что ему все равно, что я девочка, а я старалась не капризничать. Да я на самом деле с превеликим удовольствием везде лазила и ползала, возилась в грязи, плескалась в ручье, что протекал за нашим садом. Леса и поля вокруг нашего дома были местом для игр, нам позволяли резвиться там сколько заблагорассудится.

Эрнесто мог влезть на любое дерево с проворством и быстротой кота. Самым любимым его деревом был старый каштан, что рос возле нашего дома.

На одну из ветвей каштана мой отец повесил качели, но Эрнесто быстро надоела детская забава. Вместо того чтобы качаться, Эрнесто карабкался по длинной веревке, лишь так он мог добраться до самой нижней ветки каштана. Эрнесто влезал по веревке, а потом, ветка за веткой, забирался на самую верхушку дерева. Глядя, как он балансирует высоко в кроне, моя тетушка чуть не теряла сознание. Какие только угрозы и увещевания она ни

пускала в ход, чтобы спустить его на землю, но Эрнесто лишь смеялся.

Порой мы с Эрнесто ссорились. Он был мальчик, к тому же намного старше, а значит, проворнее меня и смекалистей. Эрнесто обожал дразнить меня — хватал моих кукол, убегал и прятал их на деревьях, откуда я точно не могла их достать. Однажды мама метлой прогнала его из нашего дома, когда застигла его за тем, как он подкладывает лягушку в мою постель. Но я любила Эрнесто, несмотря на все его ужасные выходки.

За два дня до моего отъезда мы с мамой собирали папу, чтобы отвести его в деревню, когда на нашу кухню ворвался Эрнесто.

— Можно мне с вами?

— При условии, что ты будешь вести себя хорошо и не удерешь, — предупредила мама.

— Я буду ангелочком, дзиа Тереза. — Эрнесто улыбнулся, раскинул руки, точно крылья, и легонько помахал.

— Тогда ладно. — Мама вздернула бровь. — В лавку наверняка выстроится длинная очередь, постоишь вместо меня, пока мы на кладбище сходим.

— Хорошо, — согласился Эрнесто.

— Только скажи об этом своей маме. Заодно спроси, не нужно ли ей чего. И надень что-нибудь потеплее.

Эрнесто никогда не мерз, вот и сейчас он заявился босиком. Однажды зимой моя тетя проснулась и обнаружила, что Эрнесто, одетый лишь в ночную сорочку, лепит в саду снеговика. Тетушка

вечно переживала, что он простудится и умрет, но Эрнесто ни разу не заболел. Холод и хвори просто не брали его.

Эрнесто исчез, но уже через минуту вернулся, натягивая желтую вязаную жилетку.

— Мама попросила купить сахар, если сегодня его привезли, — сообщил он.

— Хорошо, но при условии, что ты не съешь его по дороге домой.

— Не съем, дзиа Тереза, — засмеялся Эрнесто.

Мама неодобрительно поцокала языком. Именно такое Эрнесто проделал две недели назад. Тетушка тогда страшно на него разозлилась, но Эрнесто, как обычно, тут же подластился к ней и вытребовал прощение. Выпутывался из передраг он с невиданной легкостью, пуская в ход свое неотразимое обаяние.

Держась за руки, мы с ним шагали в деревню следом за моими родителями. Эрнесто сетовал на свою жилетку.

— Такая колючая, — он поскреб шею, — и жаркая. А еще желтая. Желтый цвет девчачий.

Мама с неодобрением глянула через плечо:

— Радуйся, что она у тебя вообще есть. И прекрати ворчать.

Тем утром ничего особенного в деревне не происходило, все занимались своими обычными делами. Женщины с детьми и корзинами для покупок собрались поболтать на пьяцце, старики сидели у бара, играли в карты, читали газеты и курили. В лавку тянулась очередь, в ее конец пристроился Эрнесто.

— Смотри не бросай очередь, — строго наказала ему мама. — Будь молодцом и никуда не уходи.

Эрнесто нахально улыбнулся и снова изобразил ангелочка.

Я охотно осталась бы с ним, но мама не разрешила бы.

Эрнесто, вопреки обещанию, вполне мог бросить очередь. Дружелюбный пес, внезапное желание забраться на дерево, да просто скука — любого повода хватило бы, чтобы он забыл про очередь. Обычно, если с Эрнесто такое случалось, то он исчезал, а вместе с ним и я. Мама сказала, что не желает прочесывать деревню, разыскивая нас.

На кладбище мы пошли втроем. Идти было недалеко, но двигались мы медленно, потому что отцу, хоть он и опирался с одной стороны на маму, с другой на трость, требовалось то и дело передохнуть и отпить из своей склянки с лекарством. Когда мы свернули на дорогу, ведущую к кладбищу, папа снова остановился отдышаться. Тогда мимо и прогромыхали четыре немецкие бронемашины.

До того момента я видела на удивление мало признаков идущей войны. Время от времени по дороге мимо нашего дома проходили итальянские солдаты. Мне разрешалось им махать, я научилась узнавать их форму, но если показывались немцы, меня немедленно загоняли в дом.

Отец говорил, что немцам в Италии не место и что итальянские солдаты сражаются, чтобы их выгнать, но в итальянской армии не хватает людей, поэтому нам помогают солдаты из таких стран, как Англия и Америка.

Однажды, когда мы с Эрнесто играли в саду, в небе загрохотало.

— Смотри! — закричал Эрнесто. — Самолеты! Американские самолеты!

Прежде самолетов мы не видели ни разу. Эрнесто заворуженно, в немом восторге смотрел вверх, но я перепугалась, потому что знала, что самолеты сбрасывают бомбы, и убежала в амбар, где пряталась под тачкой, пока не решила, что самолеты улетели.

Звуки выстрелов доносились до нас нередко. Стреляли у железной дороги, но папа говорил, что это предупредительные выстрелы — мол, так сигналият поездам, чтобы они остановились. Я настолько привыкла к далеким выстрелам, что почти не обращала на них внимания.

Однако тем утром со стороны пьядцы донеслись не просто выстрелы, а грохот.

— Господи, Эрнесто! — вскрикнула мама, отпуская папу, но он ухватил ее за руку.

— Оставайся здесь, — велел он.

— Но там же Эрнесто!

— Он проворный парень и умный, сообразит спрятаться. Тереза, нельзя туда сейчас. Неизвестно, что там творится.

На меня ни отец ни мать не смотрели. Бледные, напряженные, они неподвижно стояли, глядя друг на друга.

Выстрелы грохотали, казалось, целую вечность, но наконец все стихло. Отец продолжал крепко держать маму за руку.

— Возвращайся домой через поля, — наконец сказал он. — Возьми Грациэллу и постарайтесь не

попадаться никому на глаза. А я разыщу Эрнесто и приведу его домой.

Мама открыла рот, чтобы возразить, но отец решительно сказал:

— Поспешите! Дома первым делом закрой все ставни и запри дверь на засов. Мне скажи сделать то же самое.

Мама сжала мою руку, и мы побежали. Поля окутывал туман, наши юбки и башмаки быстро намокли от росы. Мы перелезали через каменные ограды и живые изгороди, раня руки об острую траву. Шипы и колючки вцеплялись в одежду.

Дзиа Мина слышала выстрелы. Она стояла у ворот и ждала нашего возвращения, но мы появились не со стороны дороги. В ее огород мы пробрались через заросли кустов, в волосах у нас застряли листья и мелкие ветки.

— Что случилось? Где Эрнесто? Кто там стреляет? — накинута на нас тетушка, голос у нее дрожал.

Мама ответила, что ничего не знает, и они с дзией Миной сделали, как велел папа, — закрыли все ставни и заперли дом изнутри. И тут оконные стекла задребезжали от новых выстрелов. Я молча стояла на темной кухне в мокрых насквозь башмаках.

Мы ждали. Мама и тетя расхаживали взад-вперед, говорили они мало. Выстрелы больше не гремели, но прошло не меньше двух часов, прежде чем раздался скрип ворот и папин голос, крикнувший, чтобы его впустили.

— Слава богу! — воскликнула тетушка, молитвенно сложила руки и воздела глаза к небу.

Мама отодвинула засовы, и папа ввалился в дом, мокрый от пота, тяжело дыша. На плечах у него лежал Эрнесто. Папа проковылял к столу и с глухим стуком опустил Эрнесто на деревянную поверхность.

Мама вскрикнула, схватила меня, дернула в сторону и уткнула мое лицо себе в фартук. Я услышала, как разрыдалась тетя, хотя мама и зажимала мне уши. Я ничего не видела и почти ничего не слышала, но я чувствовала, как дрожит мама, и меня накрыл страх. Что произошло, я не понимала, но мама никогда раньше не плакала, поэтому было ясно: случилось что-то ужасное.

— Я хочу посмотреть, — наконец пробубнила я. — Мама, пожалуйста!

— Пусть посмотрит, — сказал папа. — Пора ей понимать.

Мама медленно выпустила меня из объятий.

Сначала я ощутила запах — пахло как в лавке мясника, как от разделанной туши. Запах проник в нос, застрял у меня в горле.

На кухонном столе растянулся Эрнесто. Я долго смотрела на него, ожидая, когда он шевельнется, но он не двигался.

Держась за мамину юбку, я сделала несколько шагов вперед, пока мое лицо не оказалось вровень со столешницей. Голова Эрнесто была повернута ко мне, глаза открыты. Я смотрела в них, а они на меня не смотрели. И цвета он был страшного. Губы Эрнесто стали какими-то синюшными, а желтый жилет пропитался красным. Далеко не сразу я поняла, что Эрнесто мертв.

Тетя стояла, дрожа, сжимала край стола и смотрела на сына. Лицом такая же бледная, как он. Каждый всхлипывающий выдох покидал ее тело серией судорожных рывков.

— Кто это сделал? — всхлипывала она. — Луиджи, кто это сделал?

Мой отец тяжело опустился на пол. Он едва мог говорить.

— Нечестивые сукины дети, — выдавил он наконец.

Пятеро парней из нашей деревни раздобыли два дробовика и притаились на верхнем этаже дома с видом на пьяццу. Немецкие солдаты, бронемашины которых мы видели, припарковались на пьяцце. Парни открыли по ним огонь. Удивленные немцы начали отстреливаться, пятеро парней с двумя дробовиками оказались бессильны перед двенадцатью солдатами с пулеметами.

На пьяцце воцарился хаос. Люди запаниковали, бросились искать укрытие. Кто смог, забаррикадировался в церкви, а Эрнесто побежал в сторону кладбища — за нами, подумала я. Он был убит одиночным выстрелом в спину и лежал на дороге, на том самом месте, где упал, пока мой отец не нашел его.

Постепенно все звуки сошли на нет, на кухне воцарилась гнетущая тишина. Мама и тетя подняли тело Эрнесто и унесли.

— Останься с папой и позаботься о нем, — сказала мама.

Лицо и тело отца были перепачканы запекшейся кровью Эрнесто, влажные волосы облепили че-